

СЕКЦИЯ «ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА»**ПОДСЕКЦИЯ «ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ ВОСТОКА»****Сфера наибольшей заинтересованности европейца в Азии
в Средние Века на примере Марко Поло*****Бондаренко Роман Юрьевич****студент**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова*

В средневековом европейском мировоззрении существовало несколько стереотипизированных образов Азии, которые можно условно подразделить на категории в зависимости от географического расположения. Считалось, что Ближний Восток следует рассматривать исключительно как объект завоевания ради возвращения христианских святынь, а о дальневосточных странах существовали весьма смешанные представления, сводимые к информации об их чрезвычайном богатстве и правлении далеко на Востоке христианского царя, пресвитера Иоанна. На фоне столь скудных знаний особенное значение приобретают малочисленные сквозные путешествия через всю Азию, в том числе путешествие Марко Поло в конце XIII века.

Марко Поло был не только и не столько путешественником, сколько высокопоставленным администратором на службе монгольского хана Хубилая, правившего тогда в Китае. Это в достаточной степени определяет зоны его интереса в жизни Азии, а также границу между подлежащей разглашению информацией и тем, что он решил оставить для европейцев неизвестным (существует бесчисленное множество подтверждений существования такого решения). Тем большее значение получают редкие эмоциональные всплески, касающиеся жизни городов, где он побывал или о которых он слышал. На основе именно таких эмоциональных высказываний обычно весьма сухого и молчаливого мессера Марко, как и на основе категоризации отраслей жизнедеятельности, которым он уделяет особое внимание, можно получить представление о наиболее важных для образованного европейца деталях жизни народов Азии и о возможных изменениях в европейском менталитете на основе новых данных.

***

Проведённое исследование показало, что Марко Поло действительно выделял, в том числе эмоционально, несколько наиболее значимых отраслей в жизнедеятельности. Среди них – вероисповедание народов, политическое устройство государств, торгово-промышленная специализация областей, безопасность торговли, отношения между мужчинами и женщинами, продукты питания и другие. Становится очевидным, что, хотя для европейцев того времени была жизненно важна антимусульманская позиция, Восток перестаёт быть в европейском сознании объектом исключительно военных действий или мифотворчества; приходит понимание возможности и торговой выгоды на постоянной основе, что стало впоследствии одной из основных черт Нового Времени.

Литература

1. Книга Марко Поло. М, 1955.
2. *Юрченко А.Г.* Книга Марко Поло. Записки путешественника или имперская космография. СПб, 2007.

**Правление первого императора царства Вэй Вэнь-ди (220 – 227) периода
Троецарствия (220-280): становление средневекового китайского государства**

Жиров Федор Сергеевич

магистрант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Исследование посвящено изучению исторического процесса в течение трех лет истории Китая, в ключевой период перехода от древности к раннему средневековью, точнее, в последний год существования государства Восточная Хань, 219 г. – год перехода власти к династии Цао, в 220 г. – год создания государства Вэй, и в 221 г. – второй год периода Троецарствия, когда наряду с государством Вэй возникло еще два государства Шу в Сычуани и У – в землях южнее реки Янцзы.

Исторический процесс рассматривается с точки зрения двух важнейших аспектов изучения событийной истории: кульминация в борьбе за власть новой династии (219 г.), установление власти монарха нового государства (220 г.), в условиях преждевременной смерти победителя в этой борьбе Цао Цао и её удержание (221 г.) его сыном Цао Пи.

Источником является памятник средневекового китайского историописания *Цзычжи туньцзянь* («Всепроницающее зеркало, управлению помогающее») написанный в XI в. Он был составлен авторским коллективом под руководством Сыма Гуана (1019–1086 гг.) с 1067 по 1084 гг. н.э., и впервые напечатан в г. Ханчжоу в 1086 г. Историческая хроника включает в себя 294 главы (*цзюаня*) и освещает события с 403 г. до н. э. по 959 г. н.э. События в источнике описаны по годам, которые в свою очередь включают сезоны, месяцы и дни.

Задача работы – выявить основных участников этих событий (219, 220 и 221 гг.), очертить круг сторонников Цао Цао и проследить, участвовали ли они в событиях, связанных с процессом утверждения власти Цао Пи после смерти Цао Цао.

219 г. – это кульминация борьбы и установление власти новой правящей династии Цао. В начале 219 г. Цао Цао, приходит к власти и становится правителем в царстве Вэй, опираясь на крупных военачальников и придворных чиновников, таких как Го Хуай (военный чиновник), Чжан Хэ (командующий армией) и Фа Чжэнь (военный чиновник). Они помогают Цао Цао в осуществлении планов по уничтожению армий его основных конкурентов и противников Гуань Юя и Лю Бэя. Цао Цао постепенно подчиняет себе основных своих противников (Гуань Юя и Лю Бэя) и становится гегемоном.

Тогда, в 219 г. выдвижение Цао Пи только начиналось. Он участвовал в придворных интригах, которые начались в девятом месяце 219 г. при дворе Цао Цао, и были направлены на удаление Цао Пи от власти. Так, некий чиновник Вэй Фэн в тайне собирал своих сторонников и строил планы вместе с Чэн И [против Цао Пи]. При дворе Цао Цао были так же чиновники, которые поддерживали Цао Пи: У Чжи и Чэн И. В том же 219 г. шла борьба за власть между будущим правителем царства Вэй Цао Пи и его сподвижниками с одной стороны, и теми чиновниками, которые поддерживали его брата Цао Чжи: Ян Сю, Чжун Яо и Вэй Фэна с другой. Но сам Цао Чжи не очень стремился к власти, чего нельзя сказать о Цао Пи.

Сыма Гуан пишет, что Цао Чжи постепенно отделялся от отца (Цао Цао) и все больше полагался на Ян Сю. Это была его ошибка. А тем временем Цао Пи моментально включается в борьбу за власть. Он казнил придворного чиновника Вэй Фэна и уволил со службы государственного Канцлера царства Вэй Чжун Яо.

В 220 г. после неожиданной смерти Цао Цао, в момент захвата ханьской столицы г. Лояна, власть перешла к его старшему сыну Цао Пи. Следует отметить, что основные соратники Цао Цао, активно принимавшие участия в боевых операциях 219 г., а именно Чжоу Ю (успешный военачальник), Лу Су (придворный советник) и Ли Мэн (ученый,

полководец, с его помощью Цао Цао пленил Гуань Юя), в тексте 220 и 221 года не упоминаются.

Только Чжан Цзи, который в 219 году был военачальником, встречается так же и в 221 г. При Цао Пи он стал генералом и правителем в городе Ланьчжоу в, современной пров. Ганьсу. Интересно заметить и то, что сподвижники самого Цао Пи в 219 г., У Чжи и Чэн И не упоминаются в текстах 220 и 221 гг. После смерти Цао Цао его сын и преемник Цао Пи опирался на род Сыма и новых чиновников (Цзя Сюй, Хуа Синь, Чэнь Цюань).

Из всего вышесказанного следует, что уже в 219 г. Цао Пи резко включается в борьбу за власть, он был готов занять место правителя и его действия накануне и после смерти отца не позволили его врагам сместить его. В 220 г. он сам формирует команду сторонников из числа людей, которые не являлись ни соратниками его отца, ни его собственными соратниками, после этого удачно удерживает власть, опираясь на нее. Основными сторонниками Цао Цао в 220 г. были: придворные советники Цзя Куй и Сыма Фу, придворный секретарь Чэнь Цзяо, военачальники Су Цзэ, Хао Шао и Вэй Пин, а также военачальник царства Шу Мэн Да. Даная ситуация характеризует Цао Пи как самостоятельного зрелого правителя, способного принимать самостоятельные решения в самые сложные и ключевые моменты. Однако, следует отметить, что в конце 220 г. Цао Пи проявил себя не таким решительным правителем, каким он себя показывал в 219 г. Он уступил, правда на половину, в споре со своим придворным советником Синь Пи. Вполне возможно, что это замечание было введено в текст лично Сыма Гуаном, который хотел представить Цао Пи слабохарактерным. Хотя, как уже отмечалось выше, Цао Пи обладал сильным характером, чем казалось, и чем хотел показать Сыма Гуан.

Библиография

1. Fang, 1965 – The Chronicle of Three Kingdoms (220-265). Chapters 69-78. Tr-d. and annotated by A. Fang. Cambridge, Massachusetts, 1965
2. Сыма Гуан, 1935 – Сыма Гуан и др. Цзычжи тунцзянь. Т.1, Шанхай 1935

Практические аспекты функционирования религиозных запретов катаими и моноими по материалам дневника Фудзивара-но Митинага (966 – 1027)

Мидо: кампаку ки

Лисицына Анна Андреевна

магистрант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Наше сообщение посвящено комплексу запретов *моноими* и *катаими*, повышенное внимание к которым было характерно для периода Хэйан (794 – 1185). На материалах дневниковой литературы (*кокироку*) на примере дневника Фудзивара-но Митинага *Мидо: кампаку ки* мы попытаемся классифицировать упоминания этих запретов с точки зрения их структуры и проблематики.

В эпоху Хэйан значительное влияние на разнообразные сферы жизни аристократии оказывал сложный комплекс астрологических запретов. Он сочетал в себе элементы традиционной китайской астрологии и гадательных практик, буддизма и некоторые представления традиционного японского комплекса верований *синто* (в первую очередь, идею ритуальной нечистоты *кэгарэ*). Причины повышенного внимания к религиозным практикам и запретам со стороны придворной аристократии до сих пор во многом не изучены и оставляют массу возможностей для дальнейших исследований. Многочисленные источники, сохранившиеся от периода Хэйан, свидетельствуют о том, что комплекс запретов не только влиял на религиозную жизнь двора и на такие стороны

повседневной жизни, как перемещения в пространстве, активность общения с другими людьми, но и оказывал существенное влияние на политическую жизнь.

Выполнение запретов на направление *катаими* подразумевало то, что человек в определенные дни или часы избегал передвигаться или совершать определенные действия в «несчастливом» с астрологической точки зрения направлении относительно усадьбы, главного павильона этой усадьбы или более или менее постоянного места пребывания. Если перемещение или другие действия было всё же необходимо совершить, то прибегали к такому способу, как «изменение направления» (яп. *кататагаэ*). Судя по всему, это была довольно распространенная практика в изучаемый период. Запреты *катаими* упоминаются в *Мидо: кампаку ки* значительно реже, чем запреты *моноими*. При этом исследователь в большом количестве случаев имеет дело с т.н. скрытыми упоминаниями: описывается, к примеру, перемещение в пространстве, и установить то, что причиной его послужило *кататагаэ*, можно лишь по косвенным признакам или пользуясь дополнительными источниками.

Если запреты *катаими* касались деятельности человека относительно физического пространства, то комплекс запретов *моноими* регулировал более широкую сферу деятельности, связанную в большей степени с социальным пространством.

Выполнение запретов *моноими* (воздержания) было тесно связано с представлениями о знаменьях, в качестве которых могли рассматриваться практически любые происшествия, выходящие за рамки обычного хода повседневной жизни, а также представления о ритуальной нечистоте *кэгарэ*, которое могло быть вызвано контактом с кровью, смертью, болезнью и т.п. Соблюдение же самого запрета было направлено на то, чтобы избежать или свести к минимуму негативный эффект этих необычных происшествий. Как только происходило такое «необычное явление», производилась консультация со специалистами в области *инь/ян* (яп. *оммёдзи*), устанавливалось (иногда путём гадания): каким являлось знамение – благоприятным или неблагоприятным. И если оно было неблагоприятным, устанавливались дни, в которые должны были соблюдаться *моноими*. При этом система была достаточно гибкой, поскольку существовало множество вариантов трактовки знамений.

Существуют различные версии относительно того, в чем же состояло соблюдение *моноими*. Общим в них является то, что человеку в этот день предписывалось не покидать пределы своей усадьбы (или другого места, где он проживает более или менее долгое время), и не следовало принимать посетителей. Кроме того, называются такие аспекты, как запрет на письменный обмен сообщениями, выполнение более или менее важных дел, развлечения.

Тем не менее, насколько можно судить по материалам нашего источника, «идеальному» варианту соблюдения запретов следовали не всегда. Во-первых, степень ограничения, которую *моноими* налагали на человека, сильно различалась в зависимости от его статуса. Наибольшей табуированности подвергался государь, что касается чиновников, то они могли соблюдать запреты менее строго, либо полностью игнорировать их. Во-вторых, существовали определённые способы обмениваться какой-либо информацией или принять посетителей, формально не нарушая при этом запрета. К примеру, в случае обмена письменными сообщениями документ передавался через порог, а посланец оставался за пределами усадьбы. В третьих, проведённое нами статистическое исследование позволяет говорить о том, что примерно в третьей части случаев, когда было предписано соблюдать запрет *моноими*, этот запрет нарушался в той или иной степени.

Помимо религиозной, запреты *моноими* выполняли некоторые практические функции. Поскольку выполнение запретов предполагало в том числе и освобождение от служебных обязанностей, *моноими* обладали своеобразной функцией создания «личного» (в отличие от служебного) времени, которое придворный чиновник мог

посвятить решению внутрисемейных, скажем, хозяйственных, вопросов или просто отдыху. В дневнике можно найти примеры того, что некоторые чиновники могли злоупотреблять такой особенностью бытования запретов. Наконец, существовала возможность спровоцировать соприкосновение человека с ритуальной нечистотой, в результате чего он был обязан соблюдать запреты и, следовательно, на некоторое время не мог участвовать в значимых событиях, т.е. его активность была ограничена. Таким образом, можно предположить, что отдельные представители придворной знати стали использовать *моноими* в качестве достаточного эффективного способа давления на своих политических противников, подтверждения чему можно найти в *Мидо: кампаку ки*.

Социально-политическая структура городов Средней Азии в Средние века (на основе «Истории Бухары» Мухаммада Наршахи)

Реброва Мария Николаевна

студентка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В современной тенденции, сложившейся в изучении стран Востока, к сожалению, уделяется слишком незначительное внимание исследованию Средней Азии, в особенности средневековой истории городов данного региона. После выхода в 1973г. коллективного труда О.Г.Большакова, А.М.Беленицкого и И.Б.Бентовича «Средневековый город Средней Азии» исследований подобного масштаба не проводилось, во всяком случае, автором настоящего доклада они не были обнаружены, в то время как внимание к экономике и политике современной Средней Азии, представленной странами, входящими в СНГ, растёт.

На основе перевода дошедшего до нас списка «Истории Бухары» Мухаммада Наршахи была сделана попытка показать социальную и политическую структуру города Средней Азии. В работе были выделены основные социальные категории и отдельные должности в системе городского управления, проанализирована их роль. Были также рассмотрены такие аспекты, как значение и статус городов Бухарской области, отражение социальной структуры в планировке города, выражение социальной дифференциации через отношения с землёй, внешние признаки выражения социальной дифференциации, статус немусульман в политической и социальной жизни города, роль жителей города в принятии решений общегородского значения, социальные конфликты, встраивание существовавшей в регионе до арабского завоевания структуры управления в систему Арабского халифата и её отголоски в современности. При этом целью было поставлено максимально использовать информацию исторического источника.

В результате исследование показало, что социально-политическая структура городов Средней Азии в Средние века была очень сложна и достаточно разветвлена, отдельные социальные группы могли пересекаться между собой по статусу и функциям в системе управления, границы некоторых социальных групп были размытыми. Многие реалии, имевшие место до завоевания региона арабами, нашли себе применение в системе управления Арабского халифата, органично встроившись в неё.

Литература.

1. Мухаммад Наршахи (1897) История Бухары. Ташкент.
2. Большаков О.Г., Беленицкий А.М., Бентович И.Б. (1973) Средневековый город Средней Азии. Ленинград: Наука.
3. Кочакова Н.Б. (1968) Города-государства йорубов. М.: Наука.
4. Ислам. Энциклопедический словарь (1991). М.: Наука.
5. Большая Советская энциклопедия (1978) (полнотекстовая электронная версия).

Характеристика некоторых социальных групп средневекового Китая на материале анализа художественной прозы эпохи Тан

Слепцова Анна Арнольдовна

студентка

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Основным тезисом и постулатом нашего исследования является идея очевидной и неразрывной связи художественной литературы и истории. Наше исследование направлено на выявление отражений исторических процессов в художественной литературе. Выбранный нами исторический источник является одновременно сборником художественной прозы малой формы эпохи Тан, доказывая возможность и эффективность проведения исторических исследований на междисциплинарном уровне. В первой части нашего исследования мы воспользовались методом контент-анализа и провели числовую обработку частотности упоминаний правления различных императоров изучаемой нами эпохи.

Систематизация такого рода позволила выявить очевидное преобладание упоминания периода правления императора Сюань-цзуна. Соотнеся полученные результаты с уже имеющимися знаниями об истории изучаемого периода истории, мы смогли подтвердить очевидное отражение исторических процессов в художественной литературе и сделать ряд собственных выводов и интерпретаций.

Изучив выявленный хронологический охват памятника и отмеченные в первой части исследования тенденции, мы смогли описать и систематизировать некоторые аспекты наиболее репрезентативно представленной в нашем источнике социальной группы средневекового Китая – чиновничества, охарактеризовав такие стороны его жизни, как быт и службу.

Таким образом, были достигнуты обе цели нашего исследования – нашла подтверждение идея о непрерывной связи литературы и истории и отражении исторических процессов в художественной литературе, а также была вычленена и систематизирована информация об одной из наиболее интересующих нас с исторической точки зрения социальных групп средневекового Китая – чиновничестве.

Политическая история Китая эпохи ранней Тан. Правление Гао-цзу (618 – 627 гг.) и Тай-цзуна (627 – 650 гг.)

Смирнов Александр Андреевич

студент

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы с одной стороны выработать методику исследования источника, с другой выделить и интерпретировать историческую информацию при применении этих методик в анализе конкретного текста источника в ходе анализа процесса становления империи Тан (618-907 гг.) — второй и третьей глав *Цзю Тан шу* («Старой истории Тан»). Методики исследования исторического источника основываются на приемах количественного анализа, последующего сопоставления полученных результатов с данными других источников и выделении базовых элементов исторической информации, которые могли бы быть использованы в исторической интерпретации полученных результатов.

В ходе исследования, а также анализе имеющейся исторической информации по данному периоду, мы пришли к выводу, что одной из определяющих политических особенностей данного периода является «соправление». Мы предполагаем, что власть уже в правление императора Гао-цзу (618 – 627 гг.) была разделена между последним и его сыном - будущим императором Тай-цзуном (627 – 650 гг.). Данное «соправление»

заключает в себе уникальные черты, присущие только ему. Такой характер соправления отличает рассматриваемый период от традиционной в политической культуре стран Восточной Азии системы соправления, когда рядом с фигурой носителя высшей власти стоял представитель высшей родовой знати. В данном случае уникальность конструкции в том, что соправление формируется двумя ключевыми фигурами мужской линии родства — отцом и сыном при доминировании сына, который в конце концов, сместив отца сам пришел к власти.

Анализ источника проводился согласно следующим задачам:

-представить текст источника в виде, удобном для проведения количественного анализа, что будет включать в себя выделение датированных «событий», раскладываемый нами на отдельные «действия» (базовый уровень информации), а также их первичную классификацию по видам, с тем, чтобы в-приоритеты сообщений источников за тот или иной год и тем, самым корректно описать ход исторического процесса.

-в связи с тем, что текст хроники, посвященной императору Тай-цзуну разделен на две главы, при рассмотрении массива текста и зная к какому времени относится то или иное описание события (в силу четкой датированности событий) мы можем сравнить две главы и сделать выводы об универсальности или напротив различности описания правления в зависимости от того, к какому периоду (стабильному-нестабильному) относится это описание.

-работа по проведению количественного анализа проходит параллельно с переводом источника

Библиография

Цзю Тан шу 旧唐书 (Старая история Тан)

Синь Тан шу 新唐书 (Новая история Тан)

Деопик Д.В. Опыт количественного анализа древней восточной летописи «Чуньцю»—

Математические методы в историко-экономических в историко-культурных исследованиях. М., 1977.

Деопик Д.В. Опыт систематизации конкретно-исторического материала, содержащегося в “Чуньцю” — Четвертая научная конференция "Общество и государство в Китае".

Тезисы и доклады. Выпуск II. М., 1973, с.219-221.

Деопик Д.В., Таркина А.И., Ульянов М.Ю. Метод выделения и краткой характеристики периодов в истории одного государственного образования Восточной Азии: на примере Цзинь (период Восточное Чжоу, VIII – III вв. до н. э.) Научная конференции «Ломоносовские чтения», апрель 2004 г., Востоковедение. Тезисы докладов. М., 2004. Книга 1, с. 37-43 (0,4 а.л.)

Попова И.В. "Политическая практика и идеология раннетанского Китая Вост.лит. РАН 1999

Очерки по истории Китая, ред. Шан Юэ, М., 1959

The Cambridge history of China, v.3 Sui and T'ang China, p.1

Идеологическая легитимизация власти ранних мамлюков в Египте

Филиппов Александр Анатольевич

аспирант

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

Основным источником для написания настоящей работы является произведение раннемамлюкского периода “Zubdat al-Fikra fi Tā’rīḥ al-Hijra”, написанное в начале XIV века одним из представителей мамлюкской элиты, заместителем султана в 1311-1312 гг.,

Бейбарсом ал-Мансури ан-Насири (ум. 1325). Также широко использовались труд известного мамлюкского историка Ахмада Ибн Али аль-Макризи (1364-1422) «Книга добродетельного поведения для познания государств маликов» (*Kitāb al-Sulūk li-ma'rifat duwal al-mulūk*) и произведение Ибн Тагриберди (1409-1470) «Сияющие звезды среди правителей Египта и Каира» (*Al-Nujūm al-zāhira fī mulūk Miṣr wa al-Qāhira*).

В настоящей работе автор рассматривает идеологическую концепцию, призванную легитимизировать господство тюркского меньшинства в долгосрочной исторической перспективе. Труд Бейбарса аль-Мансури представляет в этом отношении особую важность, так как был написан представителем мамлюкской элиты вскоре после установления власти мамлюков в Египте.

Предложенная Бейбарсом аль-Мансури идеологическая концепция состояла из двух основных элементов: а) идея Божественного воздания и страха перед Богом б) идея особой доблести и богоизбранности тюрок.

Первая идея достаточно хорошо разработана в исламской мысли и генетически восходит к Ветхому Завету, будучи одним из основных принципов иудаизма. Господняя кара постигает человека, если грех совершен тайным образом или в том случае, когда государство оставляет его безнаказанным. В последнем случае Божья кара постигает весь народ, погрузившийся в безнравственность (Левит, 20, 2—5; Второзаконие, 27, 24—25; 29, 28; Иезекиил, 33, 2—9). Иудаизм различает два вида воздания: 1) награждение или наказание отдельной личности, 2) награждение или наказание народа или человеческого рода [1]. В то же время подчеркивается, что Господь никогда не уничтожит свой народ [1]. В исламе эта концепция получила название *rahba(t)* – страх перед Богом и *irhāb* – устрашение [2]. Последнее слово в Коране не употребляется, но встречается имперфект исходного глагола (8:60) [2]. Устрашение используется Богом как способ указать людям на нарушения ими религиозного закона и предупредить о неминуемых последствиях этого.

Эта идея была использована для интерпретации нашествия Чингисхана. Последнее, по мнению автора хроники, и было вызвано многочисленными нарушениями шариата со стороны мусульман. «Сливки мысли» изобилуют описаниями всевозможных грехов, совершаемыми правоверными, и проводят прямую связь между ними и военными успехами монголов [2, с.1, 8-9, 11, 20, 31, 32 и др.]. Многие из этих сюжетов упоминаются и у аль-Макризи [4].

Соответственно, мамлюки рассматриваются как те, кто восстановил господство закона и положил конец безбожью [2, с.1-2]. Сделав это, мамлюки смогли нанести монголом сокрушительное поражение при Айн-Джалуте (1259) и остановить их дальнейшее продвижение [2, с.50-52]. Поэтому дальнейшая безопасность уммы прямо зависит от сохранения власти мамлюков – единственных, кто смог восстановить шариат и отвести от мусульман гнев Божий.

Эти военные успехи мамлюков и их религиозность связаны с особыми качествами тюрок как богоизбранного народа. По мнению Бейбарса аль-Мансури, «тюрки наиболее великие и благоразумные. Так как в распространении среди них общая и частная польза, то захотело Его Могущество привести их религиозную общину от развалин и заблуждения к благу, чтобы возвести с ее помощью основы истинной веры и вывести их к свету религии из темного гнета безбожия» [2, с.2]. Поэтому нашествие татар имело целью не только устрашить мусульман, но и вернуть умму на праведный путь, поставив во главе ее избранный народ. Автор «Сликов мысли» прямо называет это основной причиной нашествия монголов [2, с.2].

В качестве обоснования этой идеи проводится параллель с раннеисламской историей. В начале своей деятельности Пророк Мухаммад имел немного сторонников, но их благочестие и преданность исламу помогли им превозмочь своих врагов, не смотря на трудности и преследования, с которыми они столкнулись.

В позднейшей исторической традиции идеологический акцент в легитимизации смещается с группы на личность конкретного правителя. Это привело, в частности, к изменению структурирования материала: от годовых записей, в которых прослеживается история распространения безбожия, Божественной кары и восстановления закона, к описанию правления отдельных султанов, каждый из которых наряду с достоинствами имел и серьезные недостатки [5]. Их лишен только тот султан или та династия, чья власть и легитимизируется в том или ином историческом сочинении.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Идеологическая легитимизация власти мамлюков носила исламский характер, в то время как политический механизм легитимизации власть имел тюркское происхождение.
2. Основными компонентами идеологической легитимизации выступали идеи Божественного воздаяния и богоизбранности тюрок, призванных защищать ислам и мусульман.
3. Предложенная мамалюками идеологическая концепция легитимизации их власти была отвергнута известным теологом Ибн Таймийей (1263-1328), предложившим кардинально новую интерпретацию ислама, возрожденную в современную эпоху.
4. В современную эпоху идеи Божественного воздаяния и богоизбранности меньшинства активно используется целым рядом политических движений (баасизм, современный ваххабизм, арабский фундаментализм и т.д.). Описание экспансии Западного мира и ее оценка во многом похожи на характеристику монгольского нашествия.

Литература

1. Бернфельд С. (1906-1913) Воздаяние // Еврейская энциклопедия / Под ред. Л. Каценельсона и Д.Г. Гинцбурга. СПб: Брокгаузъ-Ефронъ.
2. Baybars al-Mansūrī (1998) Zubdat al-Fikra fī Ta'riḥ al-Hijra. Berlin-Beirut: Das Arabische Buch.
3. Jāmi' ma'ājim al-lugha(t) al-'arabiyya(t) – Baghdād: al-'Arīsh al-Kambyūtir – 1 CD-ROM.
4. <http://www.al-eman.com/islamlib> (Ahmad ibn 'Alī al-Maqrīzī, Kitāb al-Sulūk li-ma'rifat duwal al-mulūk).
5. <http://www.al-eman.com/islamlib> (Ibn Taghrībirdī. Al-Nujūm al-zāhira fī mulūk Mṣr wa al-Qāhira).

Роль языка и письменности в формировании государственной идентичности на примере монгольской империи Юань

Худяков Дмитрий Андреевич

аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Если язык является необходимым атрибутом любой группы или общности людей на любой стадии развития, то письменность в той или иной форме является необходимым атрибутом именно государственности. Письменность, будучи, с одной стороны, средством для решения чисто практических задач (таких, как хранение и передача сакральных текстов, хозяйственной информации, дипломатическая переписка), с другой стороны, обладает и определённой идеологической нагрузкой. Иначе можно сказать, что письменность должна обладать культурной привлекательностью для того или иного народа и, соответственно, государства.

В условиях многонациональной империи письменность призвана, во-первых, служить удобной формой для передачи языка титульной национальности (и, соответственно, администрации); во-вторых, поддерживать связь с доминирующей культурной традицией; в-третьих, поддерживать единство государства. В конечном счёте, от успешного внедрения имперской письменности не в последнюю очередь зависит стабильность и существование самой имперской государственности.

Сложные культурно-лингвистические процессы на территории Китая в условиях взаимодействия и взаимовлияния разных языковых семей (сино-тибетская макросемья в центре, алтайская макросемья на севере, аустрическая макросемья на юге) происходили на протяжении всей истории страны. Однако именно образование в XIII в. огромной Монгольской империи, частью которой стал и Китай, дало толчок к развитию небывалых до того по масштабам культурных и экономических связей между разными регионами Евразии.

Сложные социально-экономические процессы, происходившие в империи Юань (наследнице государства Чингисхана), не могли не отразиться на лингвистической картине. В это время Пекин впервые стал столицей государства, включавшего в себя одновременно традиционный Китай, Монголию, Тибет, Корею, Дали (совр. пров. Юньнань) и др. регионы. Появилась проблема письменной коммуникации между носителями языков с принципиально различными фонетическими системами.

Решение этой проблемы в империи Юань представляет интерес не только с точки зрения сравнительно-исторического языкознания, но и в свете происходящих ныне в условиях глобализации лингвистических процессов.

Литература

1. Истрин В.А. Возникновение и развитие письма. М., 1965.
2. Лоукотка Ч. Развитие письма. М., 1952.
3. Поппе Н.Н. Квадратная письменность. М., 1941.
4. Софронов М.В. К изучению квадратной письменности. // Олон улсын монголч эрдэмтний Ш их хурал. II боть, Улаанбаатар, 1977.
5. Фридрих И. История письма. М., 2004.